

Ив. Новгород-Северский

**СКАЗКИ
МИХЕИЧА**

Copyright by author

Herausgeber: Russisches Wissenschaftliches Institut in Paris.
Bestellung und Auslieferung: Editeurs Réunis 11 rue de la
Montagne Sainte G n vi ve Paris (5e).
Druck: Buchdruckerei Einheit, Inh. I. Baschkirzew, M nchen 8,
Hofangerstr. 73.
Printed in Germany

Посвящается жене моей

Ю. А. КУТЫРИНОЙ

От издательства

Сказки сибирские, легенды о Божией Матери . . . эти сказки и легенды великого народа говорят сами за себя. Их нужно читать, перечитывать и вникать в глубокую народную мудрость в прекрасном слове, в красочном сказе так талантливо переданном **Ив. Новгород-Северским.**

СКАЗКИ
МИХЕИЧА

Сказки Михеича

— А не кажется тебе, Михеич, что дикий табун скачет?

— Не... Ничё. Не кажется!

— А не кажется тебе, что больших птиц несметная стая бьётся и машет крыльями?

— Не...

— А не кажется, тебе, что середь ночи кто-то зерно сыплет под стенку? Ишь, пошёл за новым мешком — сейчас принесёт!

И правда, слышалось ясно, как по-над стенкой зерно сыплется, ядрённое, как горох, крупное, как слеза оленья. Шуршит, сыплет, падает, бьётся о стенку.

— Вовсе не кажется, потому — это ветер!

— А мне вот, кажется!

— Кажется, да не выкажется. А выкажется — ещё страшней будет. Да, нонче страшновато, но только не от этого!

— А от чего?

— Не знаю. Знал да забыл — теперь не знаю!

— И я не знаю, Михеич!

Мы оба замолчали.

— Да что же это мы, как зайцы? Это ты всё! — вдруг встрепенулся Михеич, — Стой-ка-ся! Сказку скажу, а ты слушай!

Заячья беда

Уж ты зайныка, заяка беленька,
Зайка беленька, заяка серенька,
Зайка в сторону скочила,
Тёплы вáленки мочила,
Во другую-то скочила...
Там река глубока,
Река тинова,
Река рябинова,
Там рябинушка часта,
Поцелуй девку в уста!..

— Это не сказка-те, а песенка. А вот и сказка:

Зайка жил один — сивый.

А его из-под кустика пыр, а его с деревца — тюк,
а его из норки — хап!

— Кто?

— Да всякий!

А зайке жить охота. А зайке пить-есть надо. А какое тут житьё — прости Господи! — какое питьё: носу показать никуда нельзя. Шкуру просто с живого на чужое тепло дерут.

Твари-то всякой по тайге много. А тварь-то таёжная, не Божья — глазастая, зубастая, брюхастая.

Думал-думал зайка.

И год думал, и годы. И век думал, и веки. И надумал такое, что упаси крещённого Бог:

— Того бойся, и другого бойся! Нету тебе никакой жизни, даже смерти настоящей нету! Всякий норовит живьём проглотить, тёпленького!

— Пойду, говорит, утоплюся!

Пошёл зайка топиться. Навстречу ему другой, такой же косою горемыка, мокрый. Только что, видать, из воды вылез.

Спрашивает сухой зайка мокрого:

— Здравствуй, удача добрый молодец! Ты куда это? Волей, аль неволей идёшь? Дела ищешь, аль от дела рыщешь? Кто такой будешь? Куда путь-дорогу держишь?

— Ишь, закудыкал: куды, да куды. На Кудыкину гору, к Кудыкину деду, к обеду!

Иду сколь волей, а вдвое неволей. И не куда иду, а откúдова. Топиться ходил, да вода холодна — побоялся. Да и то сказать: пасть-то речная шире волчьей... У волка-то хрусть-хрусть и готово. А здесь сколь натерпишься одново страху, пока воды вдоволь наглотаешься. Шутка ли? Лена-матушка не Волге чета!

— Ну вот... А я тоже топиться шёл! — говорит сухой зайка.

— Не советую! — говорит мокрый. — Время только проведёшь, да шубу испортишь, — к зиме пригодится!

Зря ноги не труди, пойдём лучше волка искать!

— Вишь, это дело мне не подходящее. Я от волков, можно сказать, и топиться-то ходил!

Стали зайцы думать, как горю лихому заячьему пособить. Вот один и говорит:

— Знаешь, что я надумал? Ты смерти заячьей боишься, а я жизни заячьей. Давай вместе бояться, вдвоём-то веселей!

Стали жить зайцы вместе, — сухой и мокрый. От беды к беде бегали, теплой шубкой укрывались.

Мокрый сухого смертью пугал, а сухой мокрого жизнью.

Вместе и побаивались.

Вот так-же, как мы с тобой!

— о —